

Вера Поцелуева

РАЗВЕДЕННАЯ ВЕДЬМА
И ДЕМОН НА ПОЛСТАВКИ

love magic

Вера Поцелуева

**Разведённая ведьма
и демон на полставки**

«Автор»

2026

Поцелуева В.

Разведённая ведьма и демон на полставки / В. Поцелуева —
«Автор», 2026

Трогательная, смешная и тёплая история о том, как ведьма средних лет и демон-бюрократ находят друг друга в мире, где магия — это не только заклинания, но и умение сварить кофе, приручить дом с зарождающимся интеллектом и понять, что настоящая любовь не имеет тарифных планов.

© Поцелуева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Паршивый вечер	5
Глава 2. Не та свеча	8
Глава 3. Демон на диване	14
Глава 4. Ведьма просыпается	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вера Поцелуева

Разведённая ведьма и демон на полставки

Глава 1. Паршивый вечер

Дождь стучал по жестяному козырьку над окном неритмично, будто торопливый телеграфист выстукивал одну и ту же, депешу: конец-осени-конец-осени-конец. Аделаида Моррен отложила изношенное перо в сторону и закрыла тяжёлую приходно-расходную книгу. Цифры плясали у неё перед глазами, выстроившись в бесконечные колонки магического и весьма сомнительного ассортимента «Лавки семи лун»: мушка-дразнилка для домашних феечек, восковые свечи для отваживания тещи, порошок из сонных камней (применять строго по инструкции, ни в коем случае не вдыхать).

Бухгалтерия магической лавки оказалась на удивление будничной. Никаких золочёных свитков, только акты сверки с поставщиками сушёного беса-отребия и счета за электроэнергию, которую жадный холодильник для эльфийских сливок потреблял с демонической прытью. Аделаида потянулась, услышав тревожный хруст в позвонках — звук, знакомый каждому, кто провёл день, склонившись над столом. Ей было тридцать восемь, и тело начало напоминать о себе такими вот тихими, но настойчивыми сигналами. Собрав вещи и потушив свет, она вышла на улицу.

Дождь, начавшийся ещё днём, лишь набрал силу, превратившись в плотную, холодную стену. Аделаида стояла под ржавым козырьком «Лавки семи лун», застегивая на все пуговицы старенький бежевый плащ — верный осенний спутник, на протяжении многих лет. Из сумки она достала старенький складной зонт.

Обычно она шла через Часовой переулок — он был короче. Но сегодня тусклые фонари в Часовом, отражаясь в лужах, рисовали слишком меланхоличные картины.

Она свернула на Пряничную улицу. Это был чуть более длинный, но и более освещённый путь. Здесь светились окна булочных, кондитерских и маленькой мастерской, где чинили магические артефакты — от сломанных волшебных палочек до говорящих зеркал, которые начали заикаться. Свет из этих окон падал на мокрый булыжник тёплыми, маслянистыми пятнами, он не грел, но хотя бы не давал ощущения полной заброшенности.

Дождь стучал по её зонту — недорогому, складному, который уже начинал подтекать в месте сочленения спиц. Капли скатывались по тёмной ткани зонта и падали за воротник, вызывая противный холодок. Она прижала к себе потрёпанную кожаную папку с бумагами, которые не успела доделать и взяла с собой — иллюзия контроля над хаосом, который ждал её завтра утром.

На углу Пряничной и Ржаного переулка стоял старый киоск, торгующий газетами, сигаретами и предсказаниями на жвачках. Под его крохотным навесом жались два подростка-подмастерья из соседней лавки алхимика, деля пачку чипсов. Они громко смеялись над чем-то, их голоса звенели на фоне общего шума дождя — молодо, беспечно, чуждо. Аделаида прошла мимо, не поднимая головы. Их смех остался позади, яркий и чужой.

Её ноги, обутые в практичные, но уже промокшие ботинки на низком каблуке, сами несли её по знакомому маршруту. Мимо витрины «Аптекарского сада» с аккуратно разложенными пучками зверобоя и мха, мимо запертой на замок двери с табличкой «Мадам Элоиза: Судьбы, Кармы, Возврат мужа» /акция до конца месяца/, мимо окна, где за стеклом, под лампой, старик-часовщик с лупой в глазу ковырялся в механизме огромных ходиков с кукушкой, которая прохрипела, показываясь в окошке: «Завтра — возможен дождь!». Она предсказывала погоду.

Наконец, перед ней возник знакомый фасад — три этажа из потемневшего от времени кирпича, на первом — большая, запотевшая изнутри витрина булочной «У Люсьена». Сквозь влажное стекло виднелись пустые к этому часу полки, прилавков и слабый свет из подсобки, где, наверное, убирался сам хозяин. Над витриной — её окна. Тёмные. Никто не ждал её дома.

Аделаида остановилась под своим же окном, на мгновение запрокинула голову. Холодные капли ударили в лицо, заставив моргнуть. Вода стекала за воротник уже настоящим, ледяным ручьём. Где-то глубоко внутри, под слоем усталости и осенней хандры, шевельнулось крошечное, едкое чувство — не то обида на весь мир, не то жалость к себе. Она тут же подавила его. Это было непрактично. Эмоции не оплачивают счет за отопление.

Она обошла угол дома, к чёрному, покрытому облезлой краской входу в парадную. Ключ заело в замке, как всегда, когда на него попадала влага. Пришлось потратить несколько секунд, нервно пошатывая и поддёргивая рукой в перчатке. Щёлк. Дверь с скрипом поддалась, впуслав её в темноту подъезда, пахнущего сырым камнем.

Лестница, знакомая каждым скрипучим участком пола. Три пролёта. Шаги отдавались эхом в пустоте. Она чувствовала, как промокшие носки неприятно холодеют, а на плечи будто налипли свинцовые гири прошедшего дня.

Она достала второй ключ — от своей двери. Повернула. Вошла в квартиру, которая не встретила её ни теплом, ни светом, ни ласковым мурлыканьем. Только тишина, чуть более густая, чем на улице, и запах остывшего жилья.

Парадная дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком, отрезав от шума дождя. Аделаида прислонилась к ней спиной, капли с плаща закапали на старый половик. Она зажмурилась на секунду, просто стоя в темноте, слушая, как тикают кухонные часы и воет ветер в вентиляции.

Квартира над булочной «У Люсьена» встретила её знакомым полумраком и запахом — сладковатым, успокаивающим ароматом ванили и горячего масла, который всегда поднимался снизу по вечерам. Он был единственным, кто приходил к ней в гости без приглашения. Аделаида повесила просыхать намокший плащ, щёлкнула выключателем. Свет от старой люстры-паука упал на скромную обстановку: диван с потёртым пледом, полки с книгами, подоконник, на котором в горшке чах кактус.

— Сэр Эдгар? — позвала она без особой надежды.

Из-под дивана показался пушистый чёрный хвост, кончик которого дёрнулся один раз, с раздражением. Всё. Больше никаких признаков жизни. Кот Сэр Эдгар Аллан По, подарок бывшего мужа на их первую годовщину, последние полгода вёл себя как типичный разведённый мужчина: жил на её территории, ел её корм, но демонстративно игнорировал её существование. Символизм ситуации был настолько густым, что им можно было заправлять суп.

Аделаида вздохнула и пошла на кухню, чтобы вскипятить чайник. Пока вода грелась, она машинально провела рукой вдоль косяка двери — старый бабушкин жест, проверка на «сквозняки иного свойства». Всё было герметично, тихо, пусто. Магия, доставшаяся ей по наследству, давно перешла в разряд бытовых ритуалов: проверка защит, легкое подогревание чая, когда он остывал слишком быстро, поиск потерявшихся носков. Практичная, скучная магия для практичной, скучной жизни. Она больше не верила в судьбу, написанную звёздами, и в великие предназначения. Она верила в сбалансированный бюджет и то, что ужин не должен пригорать.

Чайник зашипел. В этот момент в кармане халата завибрировал телефон.

Сообщение от подруги Марты, с которой они вместе учились на курсах «Основы магического менеджмента». Сначала смайлик с подмигиванием, потом текст: «Адь, ты держись там. Только что увидела в инграме. У Глена. Ну, ты поняла. Решила, что лучше тебе от меня узнать».

Сердце Аделаиды, уже привыкшее к ровному, экономичному ритму, болезненно сжалось. Пальцы сами потянулись к экрану. Она не стала искать аккаунт Глена — это было бы

слишком унизительно. Она зашла в аккаунт общей знакомой, светской и ядовитой Марианы, которая обожала выставлять напоказ чужую жизнь.

И там, между фото изумрудного смузи и нового ковра, было оно.

Глен. Её бывший муж. Улыбающийся, загорелый, в непривычной для него белой рубашке. Рядом с ним — стройная блондинка с идеальным маникюром, в платье цвета шампанского. Подпись, выдержанная в безупречных тонах фальшивой смиренности: «Так счастлива быть свидетельницей такого прекрасного момента! Любовь побеждает всё, даже прошлое. Поздравляю моих дорогих Глена и Клэр с помолвкой! #новаяжизнь».

Вода в чайнике закипела. Автомат щёлкнул. В квартире воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая только мерным тиканьем кухонных часов и завыванием ветра в трубе.

Аделаида отставила телефон. Она почувствовала не боль — боль уже отзвенела и выплела за месяцы развода. Она почувствовала нечто другое: глухое, тошнотворное унижение. Унижение от того, что твою прошлую жизнь, твои восемь лет, выставили как неудачный черновик, который стёрли ради нового, красивого текста. Унижение от этого хэштега #новаяжизнь, будто её собственная жизнь, текущая здесь и сейчас, была не жизнью, а каким-то затянувшимся ожиданием.

Она подошла к батарее, положила на неё ладонь. Чугун был ледяным. Отопление, которое должны были дать неделю назад, снова не работало. Власти магического квартала всегда реагировали на поломки с грацией спящего тролля.

И тут, словно этого было мало, из-под дивана донёсся отчётливый, презрительный звук. Сэр Эдгар рыгнул. Не просто так, а с чувством, с толком, с расстановкой, после чего начал с невероятной тщательностью вылизывать заднюю лапу, всем своим видом показывая, что происходящее в мире людей его совершенно не интересует.

Вот он, апофеоз. Бывший — женится. Кот — презирает. Квартира — леденеет.

Аделаида Моррен, потомственная ведьма и дипломированный бухгалтер, стояла посреди своей просторной, холодной кухни, пахнувшей ванилью и одиночеством, и смотрела на свои бесполезные руки. Руки, которые умели сводить баланс и легким поглаживанием просить у растений прощения за срезанный лист, но не умели ничего исправить в этой разваливающейся на глазах реальности.

Взгляд, затуманенный унижением, поплыл по кухне и... зацепился за верхнюю полку шкафа, где в картонной коробке под слоем пыли лежали остатки её прошлого. Среди них — синий картонный конверт. Брачный контракт. Не магический, самый что ни на есть обычный гражданский, составленный Гленом-юристом с пунктами о разделе имущества и алиментах на возможных детей.

Мысль пришла не как озарение, а как резкий порыв. Инстинкт, более древний, чем любая бухгалтерия. Сжечь. Превратить в пепел. Закрывать гештальт.

Она потянулась к коробке. На сей раз без колебаний.

Глава 2. Не та свеча

Коробка скрипнула, выдыхая облачко старой пыли с ароматом грусти и нафталина. Аделаида вытащила синий конверт. Он был неприлично лёгким для восьми лет совместной жизни. Внутри лежала стопка аккуратных листов — сухой юридический язык, превращавший живые обиды, невысказанные упрёки и угасшие надежды в пункты, подпункты и печати.

Её пальцы слегка дрожали, но не от волнения. Скорее, от накопившегося за вечер напряжения, которое требовало выхода. Ритуал. Нужен был ритуал. Нечто большее, чем просто разорвать бумагу и выбросить в мусорное ведро. Ей требовался акт окончательного, бесповоротного уничтожения. Очищения огнём.

Свеча нашлась там, где Аделаида меньше всего ожидала её увидеть — на антресолях, в коробке с надписью «разное (не выкидывать!)».

Коробка пережила три переезда, один брак и один развод. В ней хранились вещи, которые вроде бы не нужны, но выбросить их рука не поднималась: одинокая серёжка, старый брелок, открытки без подписей и несколько свечей разного размера и степени загадочности.

— Отличная система хранения, — пробормотала Аделаида, сидя на стремянке и чихая от пыли.

Свечи пылились у неё годами — ещё с тех наивных времён, когда она полагала, что достаточно выбрать нужный цвет воска и произнести красивую фразу, чтобы всё наладилось. Тогда она регулярно навещала лавки, где продавцы таинственным шепотом характеризовали свой товар как «чрезвычайно действенный, но абсолютно безопасный».

Эта свеча была тёмно-вишневой. Поверхность чуть потрескавшаяся, фитиль короткий, будто его уже когда-то подрезали. Никакой бирки. Никаких пояснений.

— Завершение связей, — решила Аделаида. — Или очищение. Или что-нибудь в этом духе.

В конце концов, какая разница.

Свеча оказалась на ощупь неожиданно холодной и твёрдой, будто камень. Аделаида поставила её на кухонном столе в старую чугунную тарелку с драконами по бортику — реликвию от бабушки, которую использовали как подставку для горшков. Положила сверху свёрнутый в трубку контракт. Взяла в руки зажигалку.

Она чиркнула колесиком.

Аделаида поднесла огонь к фитилю свечи. Тот вспыхнул странно: не жёлтым, а синевато-лиловым светом, который почти не колыхался, горел ровно и холодно. Пламя коснулось бумаги, заструилось по краю, принялось жадно пожирать сухие слова.

И тут что-то пошло не так.

Дым от сгорающей бумаги — серый, обычный — вдруг закрутился, смешался со струйкой дыма от свечи. А та, стала плавиться не в привычные восковые лужицы, а с шипением и треском. Воск пузырился, чернел, и из него валил густой, сизый, тяжёлый дым. Он не поднимался к потолку, а стелился по поверхности стола, наползая на край тарелки, будто живой.

В воздухе запахло озоном — резким, чистым, как после грозы, с едва уловимым, но отчётливым оттенком... перегоревшего трансформатора и библиотечной пыли.

Аделаида инстинктивно отшатнулась. Это была не тот эффект, на который она рассчитывала.

Фитиль свечи сгорел до основания с тихим хлопком. Синевато-лиловый свет погас. В тарелке осталась лишь лужица чёрной, блестящей, как смола, субстанции и клубящееся сизое облако. Оно сгущалось, уплотнялось, вытягиваясь в столб примерно человеческого роста. Бумага контракта догорела, рассыпавшись пеплом, который вдруг закружился в мини-вихре внутри этого облака.

В квартире ещё больше похолодало. Сэр Эдгар, наконец, высунул из-под дивана морду, шерсть на спине встала дыбом, и он испуганно зашипел в сторону стола.

Из тумана проступили сначала контуры — неясные, колеблющиеся. Потом детали: тёмный силуэт в длинном, будто заброшенном на плечи, пальто с поднятым воротником. Руки в карманах. И наконец — лицо.

Он выглядел... обыденно. Это было первое, что отметила Аделаида, пока сердце отчаянно пыталось пробить себе выход из грудной клетки.

Высокий. Тёмные волосы, чуть растрёпанные, как у человека, который слишком давно не спал. Пальто — или что-то очень на него похожее — сидело идеально, но было помятым, словно его владелец провёл в нём сидя не один час. Глаза — цвета тлеющих углей, внимательные и раздражённые одновременно.

Он моргнул. Медленно. Оглядел комнату взглядом, полным безразличной профессиональной оценки — как сантехник, которого вызвали в час ночи. Его взгляд скользнул по Аделаиде, по застывшему в ужасе коту, по чашке с недопитым чаем на столе.

Потом он вздохнул. Звук вышел странный — сухой, шелестящий, как переворачиваемая страница старой книги.

Демон — а это, без сомнения, был демон — слегка наклонил голову, его взгляд упал на дымящуюся тарелку и пепел.

Аделаида стояла, вцепившись пальцами в край кухонного стола. Её костяшки побелели. «Демон. В моей кухне. Над тарелкой для кактусов». Мысли метались, как мышь в мышеловке, не находя выхода. Она машинально искала взглядом кота — Сэр Эдгар окончательно спрятался, под диваном было лишь гневное желтое свечение его глаз.

Он сделал лёгкое движение рукой. В воздухе перед ним, будто проступая из самой материи пространства, возник полупрозрачный свиток. На нём мерцали строки текста на языке, который Аделаида не знала, но суть которого каким-то образом тут же укладывалась в сознании. Юридические термины, оговорки, ссылки на пункты Инфернального Регламента.

— Я — Каэль, — представился он, как будто на совещании. — Демон третьего круга, статус — неполная занятость. Это значит, что мои мощности и время работы на физическом плане ограничены квотами.

— По какому поводу вызывали? Вы не озвучили желание во время призыва.

Его голос звучал ровно, почти скучающе, будто он каждый день появлялся в чужих квартирах после неудачных ритуалов.

Аделаида стояла, не в силах пошевелиться. Язык прилип к нёбу. В голове гудело только одно: «Неправильная свеча. О, боги, это была неправильная свеча».

— Э-э... — сумела выдавить она и сглотнула.

— Я... я не вызывала. Я просто... сжигала контракт.

Демон поднял бровь.

— Сжигали контракт. С помощью ритуальной свечи. — Он кивнул на оплавленный огарок на столе. — Логично. Очень логично.

В его тоне сквозила такая явная ирония, что Аделаида невольно сжала кулаки.

— Это была обычная свеча! Я купила её в «Лунном корне» лет пять назад. Просто... для атмосферы.

Каэль вздохнул, подошёл к столу и осторожно потрогал остатки свечи.

— «Для атмосферы», — повторил он. — Знаете, что это на самом деле?

— Что?

— Концентратор призыва третьего уровня. Редкий, между прочим. Кто-то явно не подписал этикетку.

Аделаида почувствовала, как внутри закипает раздражение.

— То есть вы хотите сказать, что я случайно призвала демона из-за ошибки в маркировке?

— Именно так. — Каэль сел в кресло, закинул ногу на ногу. Контракт всё ещё висел перед ним в воздухе.

Он «прокрутил» свиток пальцем. Текст поплыл.

Затем поднял палец. На кончике слабо вспыхнул и погас крошечный огонёк, отмечая «пункт первый».

— Итак, вариант А: Исполнение одного желания. Желание должно быть сформулировано вербально, в моём присутствии, и попадать в рамки моей специализации и текущего уровня допуска. Мелкие желания. Эмоциональные узлы. Бытовые проклятия. Списки соответствия прилагаются. После обоснованного и корректного исполнения желания связь разрывается, контракт считается выполненным, я возвращаюсь к исполнению основных обязанностей.

Он поднял второй палец. Второй огонёк.

— Вариант Б: Ожидание. Если желание не сформулировано, либо его исполнение признано невозможным в рамках контракта, связь сохраняется до конца текущего отчётного периода. На физическом плане — это тридцать стандартных земных суток. По истечении данного срока, при отсутствии нарушений с обеих сторон, контракт автоматически аннулируется, связь прерывается.

Каэль опустил руку и впервые посмотрел на Аделаиду пристально, а не оценивающе-сквозь.

— Рекомендую Вариант А. Он эффективен, точен и не нарушает рабочие графики. «Ожидание» — процедура пассивная, энергозатратная для поддержания связи и, откровенно говоря, скучная. К тому же, — в его голосе впервые прозвучал оттенок чего-то, похожего на личную заинтересованность, — успешное закрытие вызова по «Варианту А» положительно влияет на мою квартальную отчётность.

Аделаида слушала, и паника внутри нее начала кристаллизоваться в ледяные, острые осколки. Это был какой-то кошмарный call-центр. Ей предлагали выбрать тарифный план, пока на её кухне сидело потустороннее существо.

— А если я... откажусь выбрать? — спросила она, уже почти понимая ответ.

— Тогда автоматически вступает в силу Вариант Б, — Каэль, казалось, даже обрадовался возможности процитировать очередной пункт. — Так прописано в стандартных условиях. Молчание — знак согласия. Связь продолжится на тридцать дней. Я буду вынужден находиться в непосредственной близости от вас — в радиусе, необходимом для поддержания контрактной связи. Обычно это пределы жилища. — Он снова окинул взглядом кухню. — Надеюсь, у вас есть свободное спальное место. Или, на худой конец, коврик.

Мысль о том, что этот... этот офисный работник преисподней будет жить в её квартире месяц, заставила Аделаиду по-настоящему задрожать. Не от мистического ужаса, а от полного, абсолютного абсурда и нарушения личных границ.

— Я... мне нужно подумать, — выпалила она.

— Время на обдумывание — три минуты с момента окончания объяснения условий, — немедленно парировал Каэль. — По истечении этого срока, если активный выбор не произведён, контракт переходит в режим ожидания. Таймер пошёл.

Он не стал доставать часы. Он просто замер, и в воздухе между ними возникло почти физическое ощущение тикающих секунд.

Аделаида закрыла глаза, пытаясь заглушить внутреннюю панику. Одно желание. Любое? «Мелкие желания». Что она могла пожелать? Вернуть Глена? Мысль вызвала приступ тошноты. Избавиться от одиночества? Звучало слишком расплывчато, как тема для плохого романа.

Тридцать дней с демоном на диване. Тридцать дней этой давящей тишины и взгляда-прожектора, выискивающего энергетические утечки.

Она открыла глаза. Каэль смотрел на неё. В его глазах не было ни нетерпения, ни злобства. Была лишь усталая готовность поставить галочку в очередном отчёте: «Клиент проинформирован. Выбор осуществлён. К делу».

Лёд в груди Аделаиды вдруг треснул, уступив место чему-то новому — острому, горькому, отчаянному. Усталости от всего. От этого дня, от этой жизни, которая, казалось, навсегда застряла в серой, промозглой полосе.

— Хорошо, — сказала она, и её голос окреп, в нём зазвучала та самая горечь. — Я выбираю. Желание.

Каэль едва заметно кивнул, будто ожидая именно этого. Свиток в воздухе перелистнулся на чистую страницу, готовый записать формулировку.

— Формулируйте, — произнёс он. — Чётко. Желательно, без поэтических метафор. Система их не любит.

Аделаида вдохнула. Она посмотрела на пепел контракта в тарелке, на холодную батарею, на тёмное окно, за которым лил бесконечный дождь. Она собрала в один комок всё, что накопилось за этот паршивый вечер: унижение от новости, холод в доме, равнодушие кота, пустоту, вьющуюся в стены.

И выдохнула это одним предложением, грубым и отчаянным, лишённым всякой магической изысканности:

— Хочу, чтобы моя жизнь наконец перестала разваливаться.

Воздух в кухне дрогнул. Свиток в руках Каэля вспыхнул ослепительным, белым светом. На чистой странице проявились строки — её слова, облечённые в сухой, контрактный язык.

Каэль замер. Впервые за весь разговор его безупречно профессиональная маска дала трещину. Его брови — тёмные, чёткие — медленно поползли вверх. В глазах-угольках тлевшее свечение на мгновение вспыхнуло ярче, отразив что-то между изумлением, уважением и искренним ужасом.

Он медленно, очень медленно перевёл взгляд с сияющего контракта на Аделаиду.

— О, — тихо сказал он. И в этом одном слове была целая вселенная саркастичного отчаяния. — Вот это объём работ.

Свет от контракта погас. Свиток свернулся сам собой и исчез с тихим шелестом. Контракт был заключён.

В квартире снова стало просто холодно и очень-очень тихо.

Молчание.

Аделаида медленно опустилась в кресло напротив и рассмеялась. Сначала тихо, потом всё громче, пока не согнулась пополам от хохота.

— Итак, — сказала она, вытирая слёзы. — То есть я не только развелась, и осталась без отопления, не только получила новость о свадьбе бывшего, но ещё и демона призвала. Великолепно. Просто великолепно.

Каэль наблюдал за ней с выражением, которое можно было бы назвать сочувствием, если бы не лёгкая усмешка.

— Могу утешить: я не самый страшный демон, которого можно призвать. Я даже не плююсь огнём.

— Как мило.

Она наконец успокоилась и пристально посмотрела на него. Истерика отступила, оставив после себя пустоту, которая медленно заполнялась холодной, бухгалтерской ясностью.

— Ладно, — сказала она, и голос её больше не дрожал. — Пункт первый: безопасность. Ты можешь причинить мне вред? Прямо или косвенно. По неосторожности или в рамках этого твоего... контракта.

Каэль склонил голову, его взгляд стал оценивающим, почти одобрительным. Переход от паники к практическим вопросам он, видимо, уважал.

— Прямое физическое причинение вреда клиенту, инициировавшему контракт, строго запрещено Инфернальным Регламентом, раздел 4, «Защита потребителя», — отбарабанил он. — Косвенное — через действия или бездействие — допускается только в том случае, если оно логически вытекает из некорректно сформулированного желания. Ваше желание, хоть и расплывчатое, но направлено на стабилизацию, а не на дестабилизацию. Так что нет. Я не могу вас травить, душить или толкать под колёса автобуса. Это было бы контрпродуктивно и испортило бы мне квартальный отчёт.

— А мысленно? Влиять на мои мысли, чувства? — не отступала Аделаида.

— Без отдельного, специально оформленного и оплаченного контракта — нет. Правило свободной воли. Я могу создавать обстоятельства. Делать кофе. Чинить энергоутечки. Давать советы. Но лезть к вам в голову с отвёрткой и плоскогубцами — вне моей компетенции и лицензии. — Он помолчал. — Хотя должен отметить, ваши текущие мысли достаточно громкие и без всякого вмешательства.

Аделаида проигнорировала последнее замечание. Часть напряжения отпустила.

— Пункт второй: быт. Тридцать дней. Ты говорил, должен быть рядом. Значит, ночевать... здесь.

— В радиусе устойчивой связи, — кивнул Каэль. — Что, по сути, означает пределы этой квартиры. Однако, кратковременное, до 8-10 часов, нахождение клиента вне зоны непосредственной близости допустимо, если это не препятствует процессу стабилизации.

Спальное место не регламентировано, но предпочтительна горизонтальная поверхность — добавил он.

Аделаида мысленно прикинула план. Спальня её, с кроватью и тумбочкой. Эта комната — кухня-гостиная с диваном. Дверь между ними была всегда открыта, чтобы тепло из кухни хоть как-то проникало внутрь.

— Диван, — решительно сказала она, указывая на потрёпанный, но вместительный уголок для гостей, на котором никто не гостил уже года два. — Ты спишь здесь. Спальня — моя территория. Но порог не переступаешь без моего явного разрешения или чрезвычайной ситуации.

Каэль посмотрел на диван, потом на приоткрытую дверь в спальню, за которой виднелся край её одеяла. В его взгляде промелькнуло что-то очень человеческое — смесь облегчения и лёгкого презрения к предложенному ложу.

— Диван подойдёт, — заявил он. — При условии, что вы предоставите подушку и одеяло. Не спальник, — он сморщился. — Спальники, как правило, пахнут плесенью и поражены грибковыми сущностями низшего порядка. Это противоречит санитарным нормам моего присутствия.

Уголок губ Аделаиды дёрнулся. Демон, беспокоящийся о санитарных нормах и грибковых сущностях.

— Одеяло и подушку дам, — вздохнула она, направляясь в спальню. Она достала с верхней полки шкафа прохладную, пахнущую лавандой подушку и плотное шерстяное одеяло — тяжёлое, бабушкино. — Но учти: диван скрипит. И Сэр Эдгар иногда по ночам по нему скачет, как бешеный.

— С кошачьими я разберусь, — Каэль махнул рукой, принимая постель. — А скрип... это просто механическое трение. Не эмоциональный узел. С ним можно мириться.

Он уложил подушку и одеяло на диван с неестественной, почти ритуальной аккуратностью.

— И последнее, — сказала Аделаида, останавливаясь в дверном проёме между своей территорией и его. — Моя спальня — вне зоны доступа. Не входи без спроса. Не трогай мои вещи в других комнатах. Не... не делай ничего странного, пока я сплю.

Каэль остановился и посмотрел на неё прямо. Его глаза-угли горели ровным, почти что честным светом.

— Аделаида Моррен, — произнёс он с лёгкой, почти неощутимой усталой насмешкой. — Моя работа — стабилизировать вашу жизнь, а не дестабилизировать её ещё больше путём нарушения личных границ. Я здесь не как захватчик, а как... специалист по устранению помех. Вынужденный сосед. Условия контракта и так достаточно обременительны для обеих сторон. Давайте не будем добавлять к ним бытовой партизанской войны.

Он взглянул на свой новый «койко-место» на диване, потом перевёл взгляд на неё, стоящую в дверях её комнаты.

— Договорились? Диван мой. Спальня — ваша. Кофе, по возможности, совместный.

Аделаида молча кивнула. Это было странно. Это было невероятно. Но это было... структурировано. Имело границы. Почти по-человечески.

— Договорились, — тихо сказала она.

Каэль кивнул в ответ, коротко и деловито, и улёгся на диван, положив руки под голову. Выглядел он при этом не как почивающее демоническое существо, а как человек, устроившийся на жёсткой скамье в ожидании поезда. С закрытыми глазами.

— Спасибо, — вдруг добавила Аделаида, сама не зная, за что.

Из-под закрытых век Каэля снова мелькнул тот же янтарный свет.

— Не благодарите, — пробормотал он, не открывая глаз. — Это пункт 12-в: «Поддержание базовых социальных норм взаимодействия для снижения стрессового фона клиента». Протокол.

Аделаида повернулась и зашла в спальню. Она не стала закрывать дверь. Впервые за много месяцев тишина в квартире не давила одиночеством. Она была просто тишиной. А за ней, в десяти шагах, на скрипучем диване, тихо дышал демон. И почему-то это не казалось таким уж страшным.

Глава 3. Демон на диване

Следующее утро встретило Аделаиду странным покоем. Проснувшись, Аделаида несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь. В квартире было тихо. И... тепло? Потом поняла: в квартире не было слышно ни свиста ветра в щелях, ни навязчивого тиканья кухонных часов. Было тихо. И... тепло?

Она осторожно высунула ногу из-под одеяла. Воздух в комнате не был ледяным. Он был прохладным, но терпимым. Более того — от батареи под подоконником шёл ровный, мягкий жар. Не сухой жар печки, а ровное, спокойное тепло — будто батарея всегда так и работала.

Это было настолько неестественно, что Аделаида вскочила с кровати и, накинув халат, вышла в зал.

Вид, который предстал её глазам, заставил её застыть в дверном проёме.

На её диване, под пледом в серо-коричневую полоску, сидел демон. Каэль. Он сидел, поджав ноги, в том же потрёпанном драповом пальто, расстёгнутом так, что была видна чёрная рубашка. Перед ним на журнальном столике из старого ящика парил в воздухе... чертёж. Нет - схема. Сложная, многослойная, сотканная из мерцающих синим и оранжевым светом линий. Она изображала контуры её квартиры, а в стенах пульсировали тусклые, болезненные пятна — где малиновые, где сизые.

Каэль что-то бормотал себе под нос, водя длинным пальцем по этим линиям.

— ...теплопотери через границу измерений в районе балконного блока, классика, — доносился его ворчливый, хрипловатый шёпот. — Кто здесь изоляцию ставил, пещерные тролли? И носитель прошлых эмоций в несущей стене... Сплошная утечка. Энергоэффективность ниже плинтуса.

Он пошевелил пальцем, и одно из малиновых пятен на схеме сжалось, побледнело и стало зелёным. В реальной комнате Аделаиде почудился едва уловимый щелчок, будто вставили на место давно выпавший сустав.

Каэль наконец заметил её. Он не вздрогнул, просто медленно поднял взгляд.

— Доброе утро, — произнёс он с той же деловой бесстрастностью. — Вы проспали на семь минут дольше вашего обычного графика. Вероятно, сказывается пост-стрессовая реакция на заключение контракта. Я не стал вас будить.

— Что... что вы делаете? — спросила Аделаида, не в силах оторвать глаз от парящей схемы.

— Оптимизирую, — ответил Каэль, снова глядя на свою работу. — Контракт в силе. Желание: «чтобы жизнь перестала разваливаться». Жилище — основа стабильности. Текущее его состояние с энергетической точки зрения — это перманентный кризис. Вы буквально отапливаете межмировые пустоты. — Он ткнул пальцем в очередное пятно, и оно испарилось с тихим шипением. — Чинил отопление. Вернее, локализовал утечки, которые мешали системе работать. Физический ремонт труб — не в моей компетенции. Но я могу... перенаправить потоки.

Он щёлкнул пальцами, и схема свернулась в маленький синий шарик, который он убрал в карман пальто. В комнате снова стало просто тепло и уютно.

— Вам следует позвонить в управляющую компанию и сообщить, что отопление «внезапно заработало», — дал он инструкцию. — Во избежание лишних вопросов.

Аделаида молча кивнула. Её мозг отказывался обрабатывать информацию. Демон на её диване занимался... энергоаудитом её квартиры.

— А... Сэр Эдгар? — вдруг вспомнила она.

— Под кроватью в спальне, — не глядя ответил Каэль. — Пристально наблюдает. Кошки — отличные диагносты межпространственных аномалий. Он уже оценил проделанную работу. По крайней мере, перестал шипеть.

Он поднялся с дивана, костяшки его пальцев хрустнули. Он выглядел... не отдохнувшим. Скорее, сосредоточенным. Как специалист, погружённый в интересную, но утомительную задачу.

— Вам нужен кофе, — констатировал он, оценивающе посмотрев на неё. — Уровень кортизола зашкаливает. Нервная система требует стабилизации.

Не дожидаясь ответа, он направился на кухню. Аделаида, словно замороженная, поплелась за ним.

Она ожидала, что он щёлкнет пальцами, и чашка с дымящимся напитком появится из воздуха. Но Каэль повёл себя иначе. Он открыл шкафчик, достал банку с молотым кофе, понюхал, поморщился.

— Срок годности на грани. Ароматические масла почти выветрились. Но сойдёт.

Он наполнил чайник водой, поставил на огонь. Пока вода грелась, он нашёл на дальней полке старую турку, доставшуюся Аделаиде от бабушки, и тщательно её промыл. Его движения были предельно точными, экономичными. Он отмерил ложкой кофе, насыпал в турку, добавил подогретой воды из чайника, размешал, поставил на самый маленький огонь и замер в почти медитативной позе, дожидаясь когда поднимется кремá - плотная шапочка пены.

Аделаида наблюдала, опершись о косяк. Она делала это сотни раз сама. Но в его исполнении это выглядело как священнодействие. Он не шевелился, лишь следил за тем, как кофейная гуща поднимается, образуя пенку. В нужный момент — не секундой раньше, не секундой позже — он снял турку с огня, дал пене осесть, повторил процесс ещё два раза. Никакой магии. Только знание. И, возможно, капля чего-то ещё.

Наконец, он разлил густой, тёмный, невероятно ароматный напиток по двум чашкам.

— Сахар? Молоко? — спросил он, и в его голосе не было служебной вежливости официанта, а лишь практичный интерес технолога.

— Нет, — прошептала Аделаида.

— Правильно. Этот кофе надо пить как есть. Чтобы чувствовать ошибки. Или их отсутствие.

Он протянул ей чашку. Аделаида взяла. Керамика была тёплой, но не обжигающей. Она сделала глоток.

И мир на секунду перестал существовать.

Это был не просто хороший кофе. Это был идеальный кофе. Гармония горечи и кислоты, плотного тела и лёгкого послевкусия с ореховыми нотами, которые она никогда не могла вытянуть из своих зёрен. Он согревал изнутри, не обжигая, прояснял голову, но не будоражил нервы.

Она открыла глаза, даже не заметив, что закрыла их. Каэль стоял напротив, держа свою чашку двумя руками, и смотрел на неё с едва заметным ожиданием в тлеющих глазах — как учёный, ждущий вердикта на свой эксперимент.

— Это... как? — выдавила она.

— Терпение. Концентрация. И понимание химических процессов на молекулярном уровне, — ответил он, отхлебнув из своей чашки. Его лицо тоже на мгновение смягчилось, будто он и сам оценивал качество работы. — Многие демоны моей специализации развивают подобные навыки. Работа с эмоциональными узлами требует тонкости. Умения чувствовать момент, температуру, давление. Кофе — хороший тренажёр. И способ поддержания собственного тонуса. В Канцелярии кофе отвратительный. Выгораешь быстрее.

Он говорил о выгорании демонов так же буднично, как она могла бы говорить о выгорании на работе в лавке.

Аделаида сделала ещё глоток, чувствуя, как паника и растерянность постепенно отступают под натиском этого божественного напитка и абсурдности происходящего.

— Итак, — сказала она, набравшись смелости. — Что теперь? Вы будете... ходить за мной по пятам, чиня утечки?

— В широком смысле — да, — кивнул Каэль, ставя пустую чашку в раковину. Он помыл её с той же педантичной тщательностью. — Контракт обязывает меня способствовать стабилизации вашей жизни в рамках моей специализации. Я буду анализировать проблемные узлы и предлагать решения. Некоторые — магические. Большинство — нет. Магия — это ресурс. Дорогой. К тому же, каждое вмешательство фиксируется и требует отчёта. — Он повернулся к ней, и в его взгляде снова появился тот же оценивающий блеск, что и при изучении схемы квартиры.

— Сегодня, например, я рекомендую вам надеть тёмно-синий джемпер. Он психологически добавит вам уверенности. На работе попробуйте переставить папки на столе по принципу «важное — в левый верхний угол». Это снизит уровень хаоса в вашем личном пространстве на 15%. И позвоните матери. Вы откладываете этот звонок три дня. Незавершённое действие создаёт фоновый стресс.

Аделаида просто смотрела на него, сжимая в руках чашку с остатками чудесного кофе. Этот демон, этот саркастичный, уставший бюрократ из преисподней, только что починил отопление, сварил лучший в её жизни кофе и напомнил, что она откладывает звонок матери.

Её жизнь определённо перестала просто разваливаться. Она стала сюрреалистичной.

Сэр Эдгар, почуяв запах кофе, высунул из-под кровати морду и издал вопросительное «Мрр?». Каэль, не глядя, кинул в его сторону:

— Молоко в холодильнике имеет оптимальную температуру. Миска чистая, стоит на привычном месте.

Кот, после паузы, не спеша выбрался из укрытия и направился к своей миске, бросив на демона взгляд, в котором читалось сложное сочетание недоверия и уважения.

Каэль вернулся к дивану и устроился на своём месте, снова доставая из кармана синий светящийся шарик — схему квартиры.

— Приступайте к рекомендациям, — сказал он, уже погружаясь в изучение очередного «проблемного узла». — У вас есть ровно сорок семь минут до выхода на работу. И, Аделаида, — он на секунду оторвался от схемы, — сегодня вас ждёт неожиданное, но позитивное событие, связанное с финансами. Будьте к нему готовы.

Сказал и снова углубился в работу. Как будто так и надо. Как будто демоны на полставки, варящие кофе и дающие советы по фэн-шую, — это самая обычная вещь на свете.

Аделаида выпила последний глоток. Кофе действительно был волшебным. И, возможно, впервые за долгое время, в её холодной, одинокой квартире стало по-настоящему тепло.

Глава 4. Ведьма просыпается

На третье утро совместного существования Аделаида проснулась не от звука и не от взгляда кота. Она проснулась от запаха.

Он просочился в приоткрытую дверь, наполнил всю спальню. Густой, медовый, пьянящий аромат. Сладкий, но не приторный, с ноткой пыльцы и зелёной, живой силы. Так не пахла ни одна булочная Люсьена. Запах цветения в пустыне. Чуда, случившегося в четырёх стенах.

Аделаида встала с кровати, на ходу накидывая халат. Она вышла в гостиную — и запах ударил в полную силу, окутал её с головой.

Каэль уже не спал. Он сидел на диване, подобрал ноги, и смотрел на подоконник с выражением чистого, незамутнённого научного интереса. В его руках парил синий светящийся шарик, проецирующий быстро сменяющиеся символы и волнистые графики.

Солнечный луч, пробившийся сквозь разрыв в облаках, падал прямо на старый глиняный горшок. И там происходило что-то удивительное.

Её кактус. Тощий, пыльный, годами сидевший в углу и напоминавший скорее зелёный морщинистый палец с колючками, чем растение, — цвёл. Из его макушки выстрелил длинный, изящный стебель, увенчанный огромным, невероятно белым цветком. Лепестки были полупрозрачными, словно из фарфора, и именно от них исходил этот волшебный, настойчивый аромат, сумевший пробраться сквозь закрытую дверь.

— Интересно, — произнёс Каэль, не отрывая взгляда от цветка. — Спонтанная активация латентной биоматрицы. Без сознательного усилия. Фактор-катализатор... — Он наконец перевёл тлеющий взгляд на Аделаиду, застывшую в дверном проёме. — Ваше пробуждение. Или, возможно, остаточная энергия контракта, резонирующая с вашим изменившимся состоянием. Вы сегодня хорошо спали. Глубоко. Уровень тревожности в вашей ауре снизился на восемнадцать процентов по сравнению со вчерашним вечером. Видимо, достаточно, чтобы запустить процессы.

Аделаида молча подошла ближе, не в силах оторвать глаз от цветка. Запах был осязаемым, почти осязаемым на губах.

— Это дошло до меня через приоткрытую дверь, — пробормотала она.

— Эфирное излучение высокой интенсивности, — кивнул Каэль, как будто это объясняло всё. — Цветение — не просто биологический акт в данном случае. Это мощный выброс жизненной силы. Магический всплеск. Он не ограничивается одной комнатой. Вы чувствуете его, потому что он — часть вас. Вернее, продукт вашего бессознательного.

— Это... это я? — прошептала Аделаида, подходя ближе. Она боялась дышать, чтобы не спугнуть хрупкое чудо.

— С высокой степенью вероятности, — кивнул Каэль. Его пальцы совершили пасс в воздухе, и графики в шарике закрутились быстрее. — Наследственная магия домовитой ведьмы. Проявляется в активации жизненных процессов, гармонизации пространства. Очень локально, очень прикладной характер. Бабушка у вас, говорили, была практикующей?

— Баба Олия? Да, она... — Аделаида на мгновение оторвалась от цветка, погрузившись в воспоминания. — У неё в деревне всегда цвели даже мёртвые, казалось бы, ветки в вазе. И в её доме было ощущение... спокойствия. Такого прочного, глубокого покоя, будто стены сами по себе отталкивают любую суету.

— Спокойствие, — повторил Каэль, и в его голосе прозвучала одобрительная нотка. — Точнее, способность его генерировать и удерживать. Хороший термин для низкоуровневой, но эффективной магии места.

Ваш потенциал долгое время был подавлен. Эмоциональным фоном. Неконструктивными мыслеформами. Общим... — он снова окинул взглядом квартиру, — раздраем. Вы не

чувствовали себя в безопасности даже в собственных стенах. А ведь магия вашего рода — это магия убежища. Её сила в том, чтобы делать пространство — своим, цельным, защищённым. Когда это чувство исчезает, магия засыпает. Или обращается внутрь, на саморазрушение.

В этот момент Сэр Эдгар, решив, что научная часть закончена, прыгнул с кресла и направился к своей миске. По пути он задел лапой стопку книг, которую Аделаида вчера листала и оставила на полу. Небрежная горка из трёх томов — справочник по налогообложению магических предприятий, сборник рецептов консервации и потрепанный томик любовных романов.

Кот прошёл мимо. А книги... вздрогнули.

Аделаида замерла. Каэль приподнял бровь.

Три книги мягко, почти по-кошачьи, перевернулись, встали на торец и, по очереди, словно послушные солдатики, поплыли по воздуху к книжной полке. Первая, самая толстая (налогообложение), втиснулась в узкую щель между другими фолиантами. Вторая (рецепты) аккуратно легла поверх горизонтальной стопки. Третья, роман, на мгновение задержалась в воздухе, словно не решаясь, куда ей деться, а потом скользнула в пустующую нишу и встала ровно, корешком наружу.

Тишина повисла в комнате густая, как мёд.

— Пространственное упорядочение, — снова заговорил Каэль, и в его голосе теперь звучал явный исследовательский азарт. Он сделал несколько быстрых пассивов, вводя данные в свой светящийся интерфейс. — Неосознанное. Инстинктивное стремление к порядку. Очень показательно. Ваша магия не агрессивна. Она обслуживающая. Заботливая. Домашняя. Пытается навести лад там, где вы, в силу подавленного состояния, позволяли царить хаосу.

— Я ничего не делала, — сказала Аделаида, глядя на свои пустые ладони. В них не было привычного ощущения слабенькой искорки бытового подогрева. Было чувство... лёгкой дрожи во всём теле. Как будто внутри проснулся и потягивался давно забытый мускул.

— Именно в этом и суть, — пояснил Каэль. — Вы не прикладывали усилий. Магия возвращается как рефлекс. Как дыхание. Контракт, ставящий целью «стабилизацию», по всей видимости, интерпретирует пробуждение вашего врождённого дара как один из ключевых факторов этой самой стабильности. — Он посмотрел на неё, и тлеющие угли его глаз будто разгорелись ярче. — Это хороший знак, Аделаида. Очень хороший. Жизненная сила возвращается. Не только к кактусу.

Он встал с дивана и подошёл к окну. Потянулся и сорвал лепесток с цветка кактуса. Аделаида вскрикнула от невольного протеста, но Каэль лишь поднёс лепесток к носу, потом размял его между пальцами.

— Плотность магического заряда выше среднего, — констатировал он. — Этот лепесток, высушенный и помещённый в подушку, обеспечит неделю спокойного сна без кошмаров. Побочный продукт вашей бессознательной работы.

Он протянул ей смятый лепесток. Тот был тёплым и пульсировал едва уловимым ритмом, словно крошечное сердце.

Аделаида взяла его. И в тот момент, когда её пальцы коснулись шёлковистой поверхности, по её спине пробежала волна чего-то тёплого и узнаваемого. Как запах бабушкиного пирога с черникой. Как ощущение абсолютной безопасности в детской кровати, когда за стеной слышатся размеренные шаги Бабы Олии.

Она подняла глаза на Каэля. Он смотрел на неё не как на клиента или источник проблем, а как на интересный, перспективный феномен.

— Что теперь? — спросила она. — Это будет продолжаться?

— Скорее всего, интенсивность будет нарастать по мере вашей адаптации, — сказал он, возвращаясь к своему шарiku с данными. — Рекомендую не сопротивляться. Наблюдайте. Фиксируйте. Позвольте ей течь. И, — он добавил уже своим обычным сухим тоном, — воз-

можно, стоит купить ещё пару горшков с землёй. Для разгрузки потенциала. А то следующим может зацвести холодильник, а это уже нарушение эксплуатационных норм.

Сэр Эдгар, тем временем, подошёл к своей миске и обнаружил, что вода в ней не просто налита, а искрится крошечными радужными пузырьками. Он фыркнул, но начал лакать с явным удовольствием.

Аделаида сжала в ладони тёплый лепесток. За окном светило солнце. В квартире пахло цветами и свежестью после грозы, которой не было. А где-то глубоко внутри, под слоями усталости и разочарования, что-то большое и спящее наконец перевернулось, потянулось и открыло один глаз.

События с цветущим кактусом и летающими книгами оставили Аделаиду в состоянии лёгкого ступора. Она стояла посреди гостиной, держа в руке лепесток, и не знала, что делать со всей этой внезапной магией, вырывающейся из неё самой, как пар из перегретого котла. Её живот предательски заурчал, напоминая о быте, который, казалось, должен был остановиться перед лицом чуда. Но, чудо не отменяло биологии.

Каэль, по-видимому, придерживался той же точки зрения. Без единого слова, с видом человека, следующего чёткому расписанию, он поднялся с дивана и направился на кухню. Его движения были не демонически-величественными, а практичными и точными, как у хорошего повара на смене.

Он открыл холодильник, достал яйца, масло, молоко. Всё это он проделал молча, но с такой уверенностью, будто годами знал расположение каждой банки в её холодильнике. Аделаида, всё ещё ошеломлённая, опустилась на стул у кухонного стола, став пассивным зрителем.

Каэль поставил на конфорку её старую чугунную сковороду. Но не стал включать плиту. Вместо этого он просто положил на неё ладонь, прямо на центр дна. На секунду его пальцы словно вжались в металл, и от них пошла едва заметная дрожь воздуха, как над асфальтом в зной. Сковорода зашипела. Масло, брошенное следом, растаяло и запенилось за считанные мгновения.

Потом он взял два яйца. Разбил их одним движением о край сковороды, и содержимое вылилось в идеально горячий жир. И тут началось самое странное.

Он не взял лопатку. Он даже не прикоснулся к сковороде второй рукой. Он просто посмотрел на яйца.

Желтки и белки, которые должны были растечься и схватиться комковатой лепёшкой, вдруг начали двигаться сами. Белки аккуратно, тонкими струйками, потянулись от краёв к центру, обволакивая желтки. Потом вся масса мягко, волнообразно, начала помешиваться сама собой. Невидимая лопатка водила по кругу, сбивая яйца в нежные, влажные, увеличивающиеся в объёме творожки. Они не пригорали, не пересушивались, а равномерно пропекались, превращаясь в тот самый идеальный скрембл, который можно увидеть только в рекламе или в дорогих ресторанах — пушистый, золотистый, с кремовой текстурой.

Пока яйца творили своё волшебство, Каэль протянул другую руку к столу, где лежали два ломтя чёрствого вчерашнего хлеба. Он не дотронулся до них. Он лишь развернул ладонь, и из её центра повеяло ровным, сухим жаром — как от направленной термопушки, только невидимой и совершенно бесшумной.

Ломтики хлеба приподнялись на сантиметр над столом и закачались в этом потоке тёплого воздуха. Они начали равномерно менять цвет с бледного на золотисто-коричневый. По всей их поверхности выступили хрустящие пузырьки, но ни один край не почернел. Это был идеальный тост, подрумяненный со всех сторон одновременно.

Аделаида наблюдала, забыв дышать. Это не было грубой магией. Это была какая-то... кулинарная алхимия. Физика, доведённая до абсурдного совершенства.

В тот момент, когда скрембл достиг идеальной консистенции, невидимое помешивание прекратилось. Поток горячего воздуха от другой ладони иссяк, и тосты мягко опустились

обратно на тарелку, которую Каэль заранее поставил на стол. Он взял сковороду (рукоять была чуть тёплой, не более) и выложил на тарелку порцию скрембла рядом с тостами. Затем достал из холодильника веточку петрушки, одним движением пальцев измельчил её в ярко-зелёную пыль, которая сама рассыпалась поверх яиц.

Только тогда он поднял на Аделаиду свой тлеющий взгляд, застав её с открытым ртом.

— Терморегуляция, — пояснил он сухо, как будто читал лекцию. — Точечное управление кинетической и тепловой энергией в малом пространстве. Экономнее, чем включать приборы. Не требуется нагрев всей конфорки или всего объёма тостера. Снижает нагрузку на сеть и, как следствие, ваш счёт за электричество. — Он слегка наклонил голову. — К тому же, углеродный след минимизирован. Это хорошо для отчётности. У нас сейчас курс на экологичность даже в мелочах.

Он пододвинул тарелку к ней. Аромат был божественным: маслянистым, сливочным, с ноткой свежей зелени.

— Ешьте, — сказал он, и в его голосе не было приказа, только констатация факта следующего пункта в распорядке дня. — Пища — базовый ресурс. Его стабильное и качественное поступление напрямую влияет на общий уровень энергии и, как выяснилось, на контроль над латентными магическими проявлениями. Подавленный голод — тоже раздрай.

Аделаида машинально взяла вилку. Она отломила кусочек тоста — он хрустел идеально. Зачерпнула скрембл — он таял во рту. Это было не просто вкусно. Это было... правильно. Сбалансировано. Как будто каждая молекула еды занимала своё идеальное место.

Она ела, а Каэль стоял у раковины и так же методично, с помощью тонких струек нагретой воды и невидимой силы, оттирал сковороду до блеска. Ни капли воды не пролилось мимо. Ни джоуля энергии не потрачено впустую.

Это был самый эффективный, самый странный и, возможно, самый заботливый завтрак в её жизни. Приготовленный демоном, который видел в процессе не кулинарию, а управление ресурсами и устранение «раздрая». И почему-то именно эта практичная, лишённая романтики мотивация заставила Аделаиду почувствовать себя в большей безопасности, чем если бы он декламировал ей стихи. Он не пытался её впечатлить. Он просто... оптимизировал. И в этом была своя, очень странная надежность.

После странного, но идеального завтрака атмосфера в квартире была натянутой, как струна. Аделаида допивала чай, пытаясь не пялиться на Каэля, который методично мыл сковороду, заставив губку двигаться самой собой. Именно в этот момент Сэр Эдгар решил совершить дипломатический прорыв.

Он спрыгнул с подоконника, где наблюдал за голубями, и направился напрямик к дивану. Его хвост был поднят трубой, но кончик нервно подрагивал. Он остановился в шаге от Каэля, долго и пристально смотрел на него своими янтарными глазами, а потом, сделав резкое, решительное движение, ткнулся мокрым носом прямо в поношенную драповую штанину демона.

Каэль замер. Он медленно опустил взгляд на чёрную кошачью голову, уткнувшуюся в его колено. Его лицо, обычно выражающее лишь скуку или аналитическую сосредоточенность, на мгновение стало совершенно пустым, как чистый лист. Потом он поднял глаза на Аделаиду.

— У него болит левый клык, — произнёс Каэль своим ровным, диагностическим тоном. — Старая трещина, почти невидимая. Кариес неинфернального происхождения. Он не ел твёрдый корм три дня, предпочитая паштет, верно? Это не привередливость. Это фоновый дискомфорт. Уровень 2.5 по шкале хронических невыраженных страданий.

Аделаида открыла рот, чтобы что-то сказать — отрицать, спрашивать, как он это понял, — но было уже поздно. Каэль действовал с той же немедленной эффективностью, с какой чинил отопление.

Он щёлкнул пальцами. На его раскрытой ладони, прямо над линией жизни, вспухла и оформилась в идеальную сферу капля света. Мягкая, тёплая, словно жидкое солнце в миниатюре. Она пульсировала успокаивающим, ритмом.

Каэль не стал навязывать. Он просто наклонил ладонь и позволил светящемуся шарiku скатиться на пол, по направлению к коту.

Сэр Эдгар отпрянул на полшага, выгнув спину. Его зрачки расширились до чёрных блюдец. Но он не убежал. Любопытство, или таинственное доверие, порождённое отсутствием прямой угрозы за последние дни, пересилило страх. Он потянулся, осторожно тронул шарик лапой с выдвинутыми когтями.

Шарик не лопнул. Он как будто прилип к подушечке, обволок её тёплым сиянием, а потом втянулся, растворился, впитался через чёрную шерсть и кожу. Весь процесс занял две секунды.

Сэр Эдгар замолчал. Он замер, уставившись в пустоту, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом он облизнулся — медленно, тщательно, проведя розовым языком по морде. Затем зевнул так широко, что Аделаида увидела все его, теперь уже безупречно белые и целые, клыки. И из его груди вырвалось звук, которого она не слышала целую вечность.

Муррррр-мрррррр.

Глубокое, вибрирующее, грудное мурлыканье. Он потёрся щекой о ножку стула, потом, недолго думая, повалился на пол рядом с Каэлем, вытянулся во всю длину и продолжил мурлыкать, уставившись в потолок блаженным, ничего не соображающим взглядом.

Аделаида почувствовала, как у неё к горлу подступает комок. Она не плакала. Она просто слушала. Этот звук был частью её прошлого, частью того дома, который когда-то казался цельным. Его отсутствие было такой же тихой, фоновой потерей, как и все остальные.

Каэль наблюдал за котом с тем же научным интересом, с каким изучал цветок кактуса. Он пожал плечами, отвечая на её немой вопрос.

— Микро-исцеление. Незначительная коррекция на клеточном уровне, стимуляция регенерации. Не нарушает правил — стабилизация эмоционального и физического фона домашнего животного напрямую влияет на снижение уровня тревожности владельца. Особенно если владелец подсознательно винит себя в несовершенном уходе. — Он посмотрел на неё, и в его тлеющих глазах мелькнуло что-то, почти похожее на понимание. — Это был допустимый расход энергии в рамках контракта о стабилизации. Пункт 7-в: «Устранение малых, но хронических источников стресса».

Он говорил о пунктах и расходах, а в комнате лежал её кот и мурлыкал так, будто ему подарили целую вселенную сметаны и воробьёв. Аделаида опустила на стул.

— Спасибо, — прошептала она, и на этот раз это было не за протокол.

Каэль кивнул, коротко, и отвернулся, делая вид, что снова погружён в созерцание схем энергопотерь на своём светящемся интерфейсе. Но уголок его рта, казалось, дрогнул на миллиметр.

А громкое, довольное мурлыканье Сэра Эдгара продолжало наполнять квартиру, становясь новым, живым звуком этого пробуждающегося дома.

Тем не менее, время неумолимо приближалось к моменту, когда пора выходить на работу.

Аромат цветка и вкус идеального скрембла отступили перед суровой реальностью графика. Аделаида, уже одетая, в панике металась между спальней и гостиной.

Ключи исчезли.

Они всегда лежали в мелкой фарфоровой чаше на тумбочке в прихожей. Всегда. Это был её единственный неизблемый ритуал. Но сейчас чаша была пуста.

Паника, знакомая и липкая, начала подниматься по пищеводу. Опоздать. Гневная гримаса хозяйки «Лавки семи лун».

— Чёрт, чёрт, чёрт, — зашептала она себе под нос, шаря руками по карманам уже проверенного плаща, сметая со стола в гостиной бумаги. — Где же они?

Каэль наблюдал за этой суетой с дивана, не двигаясь. Его лицо было бесстрастным, но тлеющий взгляд скользил за ней, будто отслеживал траекторию её паники на невидимом графике.

И вдруг...

Из прихожей донёсся звук. Не громкий, но ясный, как капля, упавшая в тишину. Тихий, мелодичный звон. Совсем крошечный, будто звякнула единственная хрустальная бусина колокольчиковой ветерки, висящей где-то в другом измерении. Дзинь.

Аделаида замолчала на полуслове и резко обернулась.

Ключи лежали на широкой тумбочке у зеркала в прихожей. На том самом месте, куда она обычно ставила сумку, возвращаясь домой.

Она медленно подошла, не веря глазам. Металлическая связка с тремя ключами и синим брелоком-котиком лежала на тонком слое пыли, покрывавшем тёмное дерево. И пока она смотрела, с ключами стало происходить нечто ещё более необъяснимое.

Пыль вокруг них... зашевелилась. Не от сквозняка — его не было. Мельчайшие частицы собрались, сгустились и, будто управляемые невидимой рукой, выстроились в чёткие, угловатые буквы. Светящиеся. Тёплым, приглушённо-золотистым светом, как старый фосфор. Буквы сложились в одно слово, отчётливое и недвусмысленное:

ЗДЕСЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.